

Неделя, 1984, сентябрь, № 38.

КАМНИ И ПИСЬМЕНА

БЛОКНОТ ЖУРНАЛИСТА

«Теперь вся наша молодежь в огне, наряды шелковые в сундуках, и оружейники теперь в почете; о славе помыслы в груди у всех».

Напомним, что «Генрих V» стоит особняком в творчестве Шекспира. Пожалуй, ни одна другая пьеса столь откровенно не пронизана риторикой, прославляющей солдатскую доблесть. Характерно, что эта хроника в годы второй мировой войны была экранизирована, причем в ампула молодого короля, который ведет англичан в бой, выступал Лоуренс Оливье. Пафос этого произведения был созвучен настроениям страны, участвовавшей во всемирной битве с фашизмом.

И вот после длительного перерыва шекспировский театр вновь обращается к эпохе Столетней войны. Чем же вызван выбор этой драмы? Не решил ли режиссер Адриан Нобл так «косовременить» ее, чтобы зритель усмотрел в истории вторжения Генриха V во Францию и его триумфа на поле боя намек на победу английского оружия в колониальной войне из-за Фолклендских (Мальвинских) островов? Пусть такая параллель не покажется читателю странной — ведь почти все критики соотносили спектакль с событиями, пережитыми страной во время недавнего конфликта с Аргентиной.

«Дней связующая нить» и впрямь отчетливо просматривается, но совсем не в том ключе, в каком прочел пьесу Оливье. В трактовке театра пьеса приобрела антивоенное звучание. Во всяком случае, на передний план постановщик выдвинул не подвиги завоевателей, а идею бессмысленности похода в чужие земли, на который подтолкнули короля корыстолюбивые церковники. Не случайно английская рать изображена в нарочито приземленном, порой просто жалком виде. Да и сам Генрих V в исполнении Брэнэ отнюдь не выглядит беспощадным военачальником. Он скорее похож на человека, который, будучи принужден силой обстоятельств совершать жестокие поступки, отчаянно жаждет мира и не стесняется оплакивать павших в присутствии своей деморализованной дружины.

Такая интерпретация пришлась не по вкусу шовинистически настроенным газетам. Нобла обвинили в том, что в «погоне за модой» он превратил идеального героя чуть ли не в пацифиста.

Что ж, политические страсти вокруг творений Шекспира кипели еще при жизни их создателя. Взять хотя бы заговор графа Эссекса, когда мятежники попытались возбудить лондонцев против властей с помощью спектакля «Ричард II». За минувшие столетия краски образов несколько не потускнели.

Предвидел ли Шекспир свою посмертную славу? Кто знает? Но во всяком случае, в 55-м сонете он утверждал: «Пусть опрокинет статуи война, мятеж развеет каменщиков труд, но врезанные в память письма бегущие столетия не сотрут».

Предсказание поэта сбылось.

Владимир СКОСЫРЕВ,
соб. корр. «Известий».

СТРАТФОРД-ОН-ЭЙВОН — ЛОНДОН.

НА СНИМКАХ:

● Бюст Шекспира в церкви Святой Троицы.

● Ежегодно в день рождения великого драматурга торжественная процессия проходит по улицам города.

Сказать, что в Стратфорд-он-Эйвоне хранят наследие Шекспира — значит почти ничего не сказать. Городок, если хотите, живет памятью о нем. Сувениры, открытки и юбилей, собирающие гостей со всего света, — вот «кит», на котором держится благосостояние сотен семей.

Весь быт запрограммирован на прием туристов. К концу осени, когда их приток иссякает, а с плакучих ив по берегам реки Эйвон опадают листья, Стратфорд напоминает опустевший музей под открытым небом. Затишье продолжается и зимой, если, конечно, на эту пору не придется какой-нибудь конгресс шекспироведов.

А с наступлением весны пульс городка бьется все учащенней, пока не достигает высшей точки во время торжеств, посвященных дню рождения писателя. Ритуал этих торжеств разработан в незапамятные времена и соблюдается неукоснительно. Еще накануне съезжаются оркестры, самодеятельные танцоры из окрестных селений и, наконец, послы и дипломаты иностранных государств. Наутро — прием в Королевском шекспировском театре, многоэтажном кирпичном здании модернистских очертаний, которое каким-то непостижимым образом органически вписалось в скромный ландшафт невысоких прямоугольных часовен, соломенных крыш и стен из грубого камня, скрепленных дубовыми досками.

Из театра процессия следует к дому, принадлежавшему отцу драматурга. Что больше всего бросается в глаза посетителю? У каждого, естественно, свое восприятие, но мне запомнилась столовая с неровным побеленным потолком, каменным полом в трещинах и очагом, а этаж выше — высокая, отполированная детскими ладонями парта, за которой, по преданию, занимался великий уроженец Стратфорда. Сиденья у парты нет — постигать науки тогда полагалось стоя.

Посреди кухни — железный обруч, прикрепленный к шести. Внутрь обруча ставили детей (и кто знает, может быть, будущего писателя тоже), чтобы они не баловались у печи и не обожглись раскаленными углями.

Приходится рассказывать о доме, где родился и провел ранние годы Шекспир, в предположительной интонации. Но что делать? Ведь после смерти поэта в 1616 году в «судьбе» коттеджа произошло не мало перемен. Умерли прямые наследники, и он перешел в руки чужих людей; там располагалась гостиница, даже лавка мясника. И только в середине прошлого века комитет, созданный поклонниками поэта, выкупил реликвию и отреставрировал ее. Так что утварь, которую видишь в музее, вряд ли принадлежала Шекспиру. Написанные им строки оказались куда долговечнее окружавших его вещей и зданий.

При столь сложной биографии шекспировских памятников на них неизбежно лежит печать условности. В заднем дворике коттеджа разбит сад, где полихают алым цветом розы, желтеют астры, шелестят листвою деревья, упоминаемые в произведениях Шекспира, зеленеет газон с идеально подстриженной травой. Начищены до блеска посуда и декоративные медные тарелки на стенах в доме. Разве в суро-

такие предметы повседневного обихода — котелки, столы, колыбели, настенные украшения, какими пользовались в XVI веке. Отсюда, наверное, и возникает неповторимое ощущение того, что соприкоснулся с жизнью поэта.

От «бэртплейс» (места рождения) отцы города и дипломаты направляются к скромной приходской церкви Святой Троицы, в которой похоронен Шекспир. Быстрым шагом этот путь можно пройти минут за пять-десять. Но стоит ли? Будешь торопиться — чего доброго не обратишь внимания на «грамматическую школу», где, как считают, учился поэт. Конечно, здесь есть и другие столь же старые здания, но разве позволительно побывать в Стратфорде и не пройти по половицам, по которым, быть может, ступала нога будущего автора «Гамлета»? Или не заглянуть в залу на первом этаже, где он мог наблюдать мистерии, которые представляли иногда бродячие артисты?

Самое удивительное, что с того времени в этом доме не прекращались школьные занятия. Современные школяры в темно-зеленой униформе стояли у низких дверей и предлагали посетителям входные билеты вместе с листовкой, дающей краткое описание здания. Каково им учиться в столь знаменитом учреждении? Во всяком случае, спрос с них не такой строгий,

как в XVI веке. Тогда занятия летом начинались в шесть утра, а зимой — в семь. Уроки длились до одиннадцати часов. Потом перерыв на обед, а с часу дня — снова уроки до пяти вечера.

...Когда шествие приблизилось к церкви, ее настоятель вышел навстречу гостям. Те молча подходили к алтарю и возлагали цветы к надгробию, под которым покоится прах великого гражданина Англии. Это был финал торжественной процессии, но кульминационным моментом ее послужила церемония подъема флагов наций.

Как заведено из года в год, на одной из мачт взмыло вверх знамя Страны Советов. Глядя, как наш посланник В. И. Долгов поднял на флагштоке полотнище с серпом и молотом, я вспоминал рассказ замечательного советского дипломата и литератора И. М. Майского, которому довелось совершить этот ритуал впервые.

Шекспировский клуб, в котором состояли все именитые граждане Стратфорда, относился тогда к социалистическому государству крайне враждебно и, будучи не в состоянии использовать старый царский штандарт, не желал признавать советский флаг. Поэтому наши делегации на торжествах не присутствовали. И вдруг в 1926 году в наше полпредство пришло приглашение. Оказалось, однако, что оно было направлено отнюдь не потому, что отцы города изменили свою позицию, а... по ошибке канцеляриста клуба, который, увидев полпредство в официальном дипломатическом листе, механически включил его в список участников торжеств.

Когда это происшествие стало достоянием гласности, в печати поднялась буря. Руководители клуба, поддерживаемые консервативной партией, хотели воспрепятствовать приезду посланцев Советского Союза, а лейбористы и либералы осуждали позицию твердолобых. Мэр Стратфорда и его заместители попытались было уговорить полпредство воздержаться от отправки делегации под тем предлогом, что могут возникнуть нежелательные инциденты. На это Майский сказал:

— Вы хозяева, мы гости. Вы прислали нам приглашение, и мы ответили на него согласием. Если вы возьмете назад свое приглашение, мы, конечно, к вам не поедем.

На такой шаг клуб пойти не решился — за всю его историю не было случая, чтобы он отказался от принятых обязательств. В итоге флаг нашей страны был все-таки поднят под аплодисменты рабочих Бирмингема, специально приехавших в Стратфорд, чтобы охранять советских людей от враждебных выпадов.

Сегодня этот эпизод выглядит не более чем курьезом. Представители СССР регулярно присутствуют на праздниках, а высокий уровень работы наших режиссеров, артистов, переводчиков над произ-

ведениями Шекспира давно признан на его родине. Об этом говорили мне и ведущие актеры шекспировского театра Кеннет Брэнэ и Роджер Алл. Брэнэ с восхищением отзывался о постановке «Ричарда III» грузинским театром им. Ш. Руставели, приезжавшим четыре года назад на гастроли в Англию, вспоминал с уважением и экранизацию советскими кинематографистами шекспировских произведений. Оба актера отметили влияние системы К. С. Станиславского на театры Британии.

Из этого разговора, казалось бы, следует, что контакты между деятелями искусства развиваются благополучно и попытки возвести препоны на пути советско-английского культурного обмена ушли в прошлое. Увы, такой вывод был бы, мягко выражаясь, поспешным. Когда я спросил Брэнэ, хотелось ли бы ему выступить в Москве, двадцатитрехлетний актер воскликнул: «Конечно! Это было бы фантастически интересно!» — и выразил удивление, почему никто не организует таких гастролей.

Вопрос закономерный. Но будем реалистами. Для того, чтобы стремление английских актеров показать советским зрителям свои спектакли воплотилось в жизнь, нужна взаимность. Скажем, шекспировский театр поехал бы в СССР, МХАТ — в Англию. Но Лондон такому обмену не только не способствует, а, наоборот, ставит палки в колеса. Почему? Здесь сказывается прежний твердолобый подход тори к отношениям с Советским Союзом. Отказ принимать ведущие советские художественные коллективы — это одна из «санкций», которой Лондон подверг нашу страну.

Спрашивается, кто же остается в проигрыше. Во всяком случае, не Советский Союз: попытки оказать на него политическое давление с помощью дискриминационных мер — будь то в сфере культуры или экономики — никогда успеха не имели. А вот дело духовного обмена, обогащающего обе страны, действительно страдает.

Но вернемся в театр, где дают «Генриха V», открывшего шекспировский сезон. Тревожно звучат трубы, бьют барабаны, и хор у занавеса цвета вороненой стали поет: